

ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ**Д.В. Жмуров¹, С.Н. Тихомиров²**¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация² Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация**Информация о статье**

Дата поступления

12 ноября 2020 г.

Дата принятия в печать

19 февраля 2021 г.

Дата онлайн-размещения

9 марта 2021 г.

Ключевые слова

Стихийные бедствия; природные катастрофы; уменьшение опасности бедствий; преступность в условиях стихийных бедствий

Аннотация. Проблемы обеспечения безопасности населения при стихийных бедствиях и уменьшения последствий таких событий уже давно обсуждаются на самом высоком уровне. Принятая за основу концепция предполагает, что главная задача каждого государства состоит в разработке общей стратегии прогнозирования стихийных бедствий, организации сотрудничества по обеспечению безопасности населения и снижению материального ущерба, стремлению к уменьшению опасной антропогенной нагрузки на окружающую среду как причины возникновения катастрофических явлений. Важный сегмент разработки этих программ — криминологические исследования преступности, опосредованной природными катастрофами. В настоящей статье предложен анализ основных концепций влияния стихийных бедствий на преступность (терапевтического сообщества, социальной дезорганизации, гипотеза рутинной активности). Сделан вывод о том, что последствия стихийных бедствий во всех сферах общественной жизни имеют криминологически значимый характер. Это выражается в том, что, как правило, подобные события влекут за собой изменение как абсолютных, так и относительных показателей преступности, ее количественных, качественных характеристик. Проанализированы и описаны основные формы криминальной активности населения в подобных ситуациях, среди которых: 1) витальная как форма адаптации и удовлетворения жизненно важных потребностей в условиях острой нехватки ресурсов (питания, одежды, медикаментов и пр.); 2) аффективная, т.е. опосредованная негативным эмоциональным состоянием населения; 3) расторможенная, возникающая под влиянием краха институтов социального контроля, ощущения бесконтрольности и безнаказанности совершаемых действий; 4) конъюнктурная как форма оптимального поведения в создавшемся положении, являющаяся средством достижения какой-либо цели; 5) отсроченная, представляющая собой долгосрочные социальные последствия природных катастроф.

GEOPHYSICAL FACTORS AS CRIME DETERMINANTS**Dmitriy V. Zhmurov¹, Sergey N. Tikhomirov²**¹ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation² Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation**Article info**

Received

2020 November 12

Accepted

2021 February 19

Available online

2021 March 9

Keywords

Natural disasters; natural catastrophes; mitigating the dangers of disasters; crimes in the situation of a natural disaster

Abstract. The problems of ensuring the safety of people during natural disasters and of mitigating their consequences have long been discussed at the highest levels. The currently adopted approach determines that the key task of every state is to develop a general strategy of predicting natural disasters, to organize cooperation on ensuring the safety of people and reducing material damage, and to reduce the dangerous anthropogenic impact on the environment as a cause of catastrophes. An important segment in the development of such programs is criminological research of crimes in the conditions of natural disasters. This article analyzes key concepts of the impact that natural disasters have on crime (therapeutic community, social disorganization, hypothesis of routine activity). It is concluded that the consequences of natural disasters have a criminologically meaningful effect on all spheres of public life. As a rule, such events lead to changes in both absolute and relative indices of crime, in its qualitative and quantitative characteristics. Key forms of criminal activities are analyzed and described, including: 1) vital, as a form of adapting and satisfying vital needs in the conditions of acute deficit of resources (food, clothes, medications, etc.); 2) affective, i.e. conditioned by a negative emotional state of people; 3) disinhibited, arising from the collapse of social control institutions, feelings of the absence of control and

impunity for any actions; 4) situational, as an optimal form of behavior in the existing conditions, as a method of reaching some goals; 5) delayed, representing long-term social consequences of natural disasters.

В современном мире имеется много знаменательных дат, посвященных разным событиям политического, исторического и культурного плана. В связи с темой настоящей статьи следует напомнить, что ежегодно 13 октября мировое сообщество отмечает Международный день по уменьшению опасности стихийных бедствий (International Day for Natural Disaster Reduction). Безусловно, вопрос защиты человеческой жизни от негативных природных явлений во все века был трудноразрешимым. Тем не менее человек, считая себя покорителем природы, всегда стремился к победе над ней, к преодолению ее непреодолимой силы, а в ситуации, когда «наказание господне» в виде землетрясения, пожара, града или засухи все-таки приносило свои печальные плоды, — к быстрейшему восстановлению нанесенного урона.

Стихийные бедствия представляют собой разрушительные, в большинстве случаев трудно предсказуемые и непредотвратимые природные явления, наносящие большой ущерб и уносящие человеческие жизни. Они имеют весьма разнообразные формы проявления — от землетрясений, извержений вулканов, цунами и наводнений до засух, пыльных бурь и др. Природные катаклизмы, время от времени возникающие в той или иной точке земного шара, как правило, влекут за собой значительные общественные потрясения. Управление ООН по уменьшению опасности стихийных бедствий сообщает, что за последние 20 лет от этих катастроф погибло более 1,3 млн чел. и 4,4 млрд пострадало, материальный ущерб составил около 3 трлн дол. Из произошедших 7 255 крупных стихийных бедствий 77 % было связано с погодными явлениями [1].

Ущерб, причиняемый катастрофами, все чаще рассматривается как один из важнейших дестабилизирующих факторов, препятствующих устойчивому развитию, порождающих социальную напряженность, спад макроэкономических показателей, неуверенную политику правительств, рост преступности и пр.

В связи с этим нельзя обойти вниманием проблему криминогенного потенциала стихийных бедствий. Это актуальная задача юридических наук криминального цикла, и прежде всего

криминологии. Преступность в условиях экстремальных ситуаций неоднократно становилась объектом научного интереса (Ю. Демидов, А. Саакян, Т. Зорина, А. Туманян, В. Омигов), но развитие этого направления исследований не вполне соответствует уровню и опасности ожидаемых природных угроз в ближайшем будущем. Так, по данным Центра исследований стихийных бедствий (CRED, США), число катастроф (стихийных бедствий, сопровождающихся массовой гибелью людей) будет только увеличиваться. Прогнозируемый рост количества катастроф, возрастание суммарного их ущерба и числа человеческих потерь заставляют уделять все больше внимания вопросам обеспечения безопасности населения и минимизации негативных последствий этих разрушительных явлений.

Изложенные мысли свидетельствуют о чрезвычайной важности и своевременности научных инициатив в *геофизическом направлении криминологических исследований*. Традиционно под геофизикой понимают комплекс научных дисциплин, изучающих физические явления и процессы, протекающие в оболочках Земли. Применительно к криминологической части подобных изысканий речь должна идти об изучении процессов в литосфере, гидросфере, атмосфере планеты и их роли в детерминации преступности.

Это позволит планировать и осуществлять программы по минимизации вреда от стихийных бедствий комплексно, не только с инфраструктурной и экономической точки зрения, но и с позиции контроля над общественно вредным поведением.

Итак, мы исходим из того, что *последствия стихийных бедствий во всех сферах общественной жизни имеют криминологически значимый характер*. Это выражается в том, что, как правило, такие события влекут за собой *изменение абсолютных и относительных показателей преступности, ее количественных и качественных характеристик*. Эти изменения проявляются двояко.

С одной стороны, уголовная статистика может отражать рост количества сначала корыстных, корыстно-насильственных, а затем и на-

сильственных преступлений [2]. Естественно, сами по себе землетрясения или ураганы не провоцируют криминальную активность населения, но их деструктивные последствия, выражающиеся в значительном экономическом и материальном уроне, моральной дестабилизации больших групп населения, неспособности властей эффективно управлять пострадавшими территориями, вполне могут спровоцировать локальный рост уровня преступности. Подобные выводы подтверждаются лонгитюдными исследованиями зависимости состояния преступности от природных бедствий (за 14-летний период). Так, было установлено, что более высокий уровень преступности связан со значительными масштабами стихийных бедствий. При этом очевидно, что геофизический аспект детерминации преступности не может рассматриваться без изучения социальных условий.

С другой стороны, звучат мнения о том, что природные бедствия могут снижать уровень преступности. К такому выводу, например, пришли М. Lentini, Р. Nikolov, М. Schwartz в исследовании криминальной ситуации в провинции Ачех (Индонезия) после цунами 2004 г. По их данным, в регионе произошло резкое снижение уголовных показателей. Это объяснялось усилением социальной сплоченности населения перед общей проблемой и снижением преступных наклонностей у отдельных индивидов, а также прекращением регистрации заявлений о преступлениях в районах бедствия [3; 4].

Анализ, проведенный в ходе данного исследования, показал, что преступность, вызванная стихийными бедствиями, чаще всего имеет несколько форм проявления:

1. *Витальная криминальная активность* как способ адаптации и удовлетворения жизненно важных потребностей в условиях острой нехватки ресурсов (питания, одежды, медикаментов и пр.). Отмечается, например, что во время стихийных бедствий резко возрастает число краж из автомобилей, квартир и служебных помещений¹. Даже традиционно правопослушные граждане под влиянием ситуативных обстоятельств могут начать демонстрировать преступную инцидентность. К примеру, в Japan Today сообщалось о череде преступлений после

землетрясения и цунами 2011 г. в Сендае (Япония), что явно противоречило сообщениям иностранных медиа о законопослушных японцах [5]. В странах с низкой социальной защищенностью населения и слабой экономикой стихийные бедствия могут стать причиной массового голода и последующих волн преступности. Так, в 2019 г. порядка 2 млн жителей Сомали оказались на грани голода из-за засухи, сходная ситуация была в Республике Конго [6].

2. *Аффектированная криминальная активность*, связанная с переживанием потери близких людей и имущества, стрессом на фоне бедствия, фрустрацией потребностей и массовой дезориентацией населения, распространением опасных слухов, недовольством мерами, предпринимаемыми властью, и т.д. Сюда относятся корыстные и насильственные преступления, опосредованные негативным эмоциональным состоянием населения.

Например, после урагана и на фоне эпидемии COVID-19 в восточных районах Туркменистана в 2020 г. произошли волнения. Основная работа по ликвидации последствий урагана легла на плечи самих граждан. И только когда речь зашла о восстановлении электричества, откачке воды из подвалов и дворов, организации питания, народ начал не просто роптать, а выходить на улицы, где возникали стихийные собрания². Недовольство населения в таких ситуациях может легко перерасти в массовые беспорядки. Еще одним примером является землетрясение в Дарфилде (остров Южный, Новая Зеландия) в сентябре 2010 г. Несмотря на то что, по заявлению полиции, преступность снизилась на 11 % в сравнении с показателями предыдущего года, число случаев бытового насилия в обстановке неопределенности и эмоционального дистресса выросло на 53 %³. Иногда насилие приобретало массовый характер, как это произошло с печально известной «резней в Канто» (Япония) после разрушительного землетрясения 1923 г. Дело в том, что среди националистически настроенных японцев стали распространяться слухи о том, что этнические корейцы, проживавшие в Канто, воспользовавшись общей бедой, начали совершать

¹ Чрезвычайные ситуации, присущие им опасности для населения и возможные способы защиты от них. URL: <http://aydarovskoe.ru/administratsiya/go-i-chs/chrezvychaynyie-situatsii-prisushhie-im-opasnosti-dlya-naseleniya-i-vozmozhnyie-sposobyi-zashchityi-ot-nih>.

² Дракон просыпается. Кризис в Туркмении привел к дефициту, всплеску преступности и даже протестам // The Insider. 2020. May 24. URL: <https://theins.ru/politika/221324>.

³ Землетрясение в Кентербери (2010). URL: <https://wiki2.net>.

поджоги и грабежи. Спровоцированные этими домыслами люди учиняли самосуд и массовые расправы над неугодными. Всего от рук населения, полиции и солдат погибло около 6 тыс. представителей корейской нации и японских социалистов [7].

3. Расторможенная криминальная активность, возникающая под влиянием краха институтов социального контроля, ощущения бесконтрольности и безнаказанности совершаемых действий.

Так, фонд «Общественное мнение» (Россия) пришел к выводу, что граждане соблюдают законы чаще всего по привычке (39 %) или из-за страха наказания (26 %)⁴. В случае если представить, что привычные условия жизни кардинально меняются или угроза наказания перестает быть актуальной, более 60 % населения теряет мотивацию к правопослушному поведению.

Потенциальные преступники, до этого скрывавшие свои криминальные возможности и смиравшие себя, в ситуации бедствия понимают, что наказания можно избежать и преград к антиобщественному поведению нет. «В разборе завалов было занято так много людей, что мы не ожидали, что полиция заинтересуется нами», — признавался один из японских осужденных [5]. Физическое разрушение правоохранительной инфраструктуры, снижение эффективности охраны общественных и частных ценностей может повлечь за собой самые разнообразные преступления. Так, в 2018 г. приблизительно 1,2 тыс. заключенных сбежало из трех тюрем после мощного землетрясения в индонезийской провинции Центральный Сулавеси⁵. Ряд исследователей отмечают увеличение числа криминально-сексуальных эксцессов, сопровождающих природные катаклизмы, а именно рост количества изнасилований, сексуальных надругательств [8] и актов насилия со стороны интимного партнера [9].

4. Конъюнктурная криминальная активность как форма оптимального поведения в создавшемся положении, средство достижения

⁴ Четверть россиян соблюдает закон из-за страха наказания, выяснили в ФОМ // Рамблер-новости. 2018. 21 сент. URL: <https://news.rambler.ru/sociology/40858518-chetvert-rossiyan-soblyudaet-zakon-iz-za-straha-nakazaniya-vyasnili-v-fom/?updated>.

⁵ После землетрясения 1,2 тыс. заключенных сбежали из тюрем в Индонезии // Известия. 2018. 1 окт. URL: <https://iz.ru/795028/2018-10-01/posle-zemletriaseniia-12-tys-zakliuchennykh-sbezhal-iz-tiurem-v-indonezii>.

какой-либо цели (способ заработка, перераспределения сфер влияния преступных группировок и т.п.).

Подобные противозаконные акты многообразны, начиная от эпизодов торговли людьми, организации нелегальной миграции до хищений гуманитарной помощи и коррупционных проявлений в международных благотворительных организациях. Мировое сообщество осознает характер этих проблем, как и сложность их решения. Например, по оценкам альянса «Спаси детей», стихийные бедствия стимулируют рынок торговли людьми, поскольку многие несовершеннолетние, осиротев, фактически остаются незащищенными. Их продают, незаконно усыновляют, вывозят из пострадавших стран в обход национальных и международных правовых норм. Так, в Гаити после землетрясения 2010 г. было зарегистрировано более 2,5 тыс. попыток незаконного вывоза детей за границу. В 460 случаях факт торговли людьми был доказан. В ближайшее десятилетие под угрозой подобных злоупотреблений может оказаться до 175 млн детей⁶.

Отдельной криминологической проблемой являются многочисленные факты хищений гуманитарной помощи со стороны пострадавших лиц (завышение ущерба), мошенников (выдающих себя за пострадавших или ответственных за распределение помощи), местных властей, допускающих коррупционное поведение. С 2005 г. в Национальный центр по борьбе с мошенничеством (США) поступило более 95 тыс. обращений, связанных с подобными правонарушениями⁷. Повышенный риск мошенничества и коррупции в период аварийной фазы после стихийного бедствия может выражаться в завышении потребностей и манипулировании данными (например, преувеличение числа погибших и пострадавших), требований откатов от поставщиков и тех, кто запрашивал помощь⁸.

5. Отсроченная криминальная активность представляет собой долгосрочные социальные

⁶ В условиях стихийных бедствий дети сталкиваются с повышенной опасностью сексуальной эксплуатации // Новости ООН. 2012. 7 марта. URL: <https://news.un.org/ru/story/2012/03/1198161>.

⁷ Путина возмутило разбрасывание в воду гуманитарной помощи в Приангарье // НТВ. 2019. 19 июля. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2214821>.

⁸ Аудит помощи при стихийном бедствии. URL: <https://www.eurosai.org/handle/404?exporturi=/export/sites/eurosai/.content/documents/others/ISSAI/ISSAI-5520-RU.pdf>.

последствия природных катастроф, опосредующие преступность. Они выражаются в экономических потерях, не позволяющих эффективно осуществлять мероприятия по профилактике нищеты и бедности, усилении миграционных потоков, появлении значительного количества лиц, которым «нечего терять», и присоединении их к преступным сообществам.

Иногда авторы указывают на существование *должностной криминальной активности* полицейских и врачей, связанной с ликвидацией последствий стихийных бедствий. Чаще всего это деяния корыстной направленности. А.А. Саакян сообщает, что субъектная структура должностной преступности в условиях чрезвычайных ситуаций выглядит следующим образом: 15 % — сотрудники полиции и правоохранительных органов, 25 % — личный состав охранных предприятий, 22 % — врачи и медицинские работники, 19 % — спасатели, 11 % — пожарные и 8 % — иные специалисты [10].

Таким образом, преступность в условиях стихийных бедствий является серьезной социальной проблемой, существенно ограничивающей темпы восстановления экономики пострадавших районов. Она характеризуется высоким уровнем латентности (от 40 до 80 %, по разным оценкам) и дополнительными (акцессорными) признаками общественного вреда. Субъектами совершения преступлений нередко становятся лица, не входящие в группы криминального риска, поскольку экстремальные условия приводят к экстремальным человеческим реакциям.

Экологические изменения, связанные с развитием цивилизации, являются проблемами, которые затрагивают все человечество, что особо ощутимо, когда речь идет о крупных катастрофах. Рост мировой экономики и человеческой популяции значительно влияет на экосферу, стимулируя опасные природные процессы, что было отмечено в документах Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро 1992 г. Поэтому в качестве принципа Международной стратегии ООН по уменьшению опасности стихийных бедствий декларировано: «Защита окружающей среды как компонент устойчивого развития... представляет собой необходимое условие для предупреждения стихийных бедствий и смягчения их последствий».

Первоначально понимание того, что природные катастрофы выступают серьезным препятствием для общественного и экономическо-

го развития, побудило Генеральную Ассамблею ООН принять резолюцию от 22 декабря 1989 г. 44/236, провозгласившую период с 1990 по 2000 г. Международным десятилетием по уменьшению опасности стихийных бедствий, которая содержала всемирную программу мероприятий на этот срок (Международные рамки действий для Международного десятилетия по уменьшению опасности стихийных бедствий. Приложение к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 44/236 от 22 декабря 1989 г.)⁹. Россия отреагировала на призыв ООН созданием в 1990 г. государственной научно-технической программы «Безопасность населения и народнохозяйственных объектов с учетом риска возникновения природных и техногенных катастроф», в рамках которой были начаты комплексные исследования природных опасностей. Важнейшим актом этого периода является декларация Всемирной конференции по уменьшению опасности бедствий, состоявшейся в мае 1994 г. в Иокогаме (Япония).

Принятая в мае 1994 г. в Иокогаме на Всемирной конференции Декларация по уменьшению опасности бедствий документально подтвердила согласованный с ясно выраженной волей почти всех членов ООН принцип ответственности каждого государства за своих граждан и их собственность в случае чрезвычайной ситуации, обязывающий «...защитить людей от физических увечий и травм, а также защитить имущество и способствовать обеспечению прогресса и стабильности, в целом признавая, что каждая страна несет главную ответственность за защиту своих народов, инфраструктуры и других национальных богатств от воздействия стихийных бедствий, циклонов и наводнений, и признавая в то же время, что в условиях растущей глобальной взаимозависимости огромное значение для успеха этих национальных усилий имеют согласованное международное сотрудничество и благоприятная международная обстановка»¹⁰.

Защита людей и имущества, провозглашенная наряду с прогрессом и стабильностью, отражает идейное установление Организации

⁹ Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблеей на сорок четвертой сессии. Т. 1 : 19 сентября — 29 декабря 1989 года. Нью-Йорк : Орг. Объединен. Наций, 1990. С. 221–225. (Официальные отчеты. Сорок четвертая сессия. Дополнение № 49 / Генеральная Ассамблея).

¹⁰ Yokohama Strategy and Plan of Action for a Safer World: Guidelines for Natural Disaster Prevention, Preparedness and Mitigation. World Conference on Natural Disaster Reduction. Yokohama, Japan, 23–27 May, 1994.

Объединенных Наций о том, что борьба со стихийными бедствиями есть аспект устойчивого развития общества, которое предполагает дополнение экономического и социального прогресса благоприятной экологической эволюцией. Стихийные бедствия вредят всем этим составляющим, подрывая экономику, поражая социальную сферу, ухудшая среду обитания. При этом создается порочный круг нежелательных последствий, так как ослабление причиненным вредом указанных сфер, прежде всего в развивающихся странах, делает, в свою очередь, население и государство более уязвимыми, а катаклизмы — более опасными.

Основной целью стратегии уменьшения опасности стихийных бедствий явилось создание на глобальном уровне реальной возможности эффективного противодействия природным и техногенным катастрофам, сокращения причиняемого ими гуманитарного, социального, экономического и экологического ущерба. Для достижения этой цели в соответствии с принятыми ранее решениями предполагалось:

- сформировать всеобщее понимание того, что сокращение опасности стихийных бедствий должно стать неотъемлемым компонентом устойчивого развития;

- добиться того, чтобы органы государственной власти принимали на себя обязательства по исполнению международных проектов и мероприятий, касающихся уменьшения опасности стихийных бедствий;

- содействовать на всех уровнях (национальном, региональном, глобальном) разностороннему сотрудничеству в области уменьшения опасности стихийных бедствий;

- повысить уровень научных знаний в области стихийных бедствий и их последствий.

Через десять лет после принятия Иокогамской стратегии была созвана вторая Всемирная конференция по уменьшению опасности стихийных бедствий (Кобе, Хиого), на которой 168 государствами была принята Хиогская рамочная программа действий на 2005–2015 гг.

Принятая программа имела три стратегические цели:

- в ходе осуществления политической деятельности уделение большего внимания уменьшению опасности стихийных бедствий, в первую очередь при выработке планов устойчивого развития;

- создание и укрепление институтов, механизмов и потенциала, усиливающих противодействие стихийным бедствиям;

- систематический учет методик уменьшения опасности стихийных бедствий при разработке и осуществлении программ противодействия чрезвычайным ситуациям.

По сути дела, Хиогская программа представляет собой углубление и определенную детализацию положений Иокогамского плана. В целом Хиогская рамочная программа действий, направляя поддерживающие ее правительства и международные организации на защиту людей и созданной ими жизнеобеспечивающей инфраструктуры, рассматривается в качестве путеводителя (как теперь принято говорить, дорожной карты), который, по замыслу его составителей, должен был привести в 2015 г. к существенному сокращению потерь от бедствий. Главное назначение программных указаний — повышение культуры безопасности в понимании того, что она предполагает прежде всего оценку и снижение вреда, причиняемого разрушительными природными процессами. Последнее подтверждается той или иной мерой присутствия принципа предупреждения во всех приоритетах Хиогской программы.

Осуществление предписанного выявило пробелы, относящиеся к устранению основных причин опасности, определению приоритетных путей борьбы с нею, отражению проблемы бедствий в государственном планировании, развитию государственно-частного партнерства. Хиогский проект стал базой для создания национальных и локальных стратегий, региональных договоров и неправообязывающих актов чрезвычайной тематики. На универсальном уровне на основе его положений в их дополнение и продолжение в рамках третьей Всемирной конференции в Японии была разработана и принята новая, Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг.

Участники конференции постановили, что с учетом национальных условий и в соответствии с внутригосударственным законодательством и международными обязательствами реализация данной программы должна опираться на сформулированные в 1990-х гг. и в духе преемственности и последовательности закрепленные в Хиого стратегические принципы уменьшения опасности бедствий.

Однако, если сопоставить принятые ООН программы защиты населения от катастрофических стихийных бедствий, обнаруживается, что прогресс в этом направлении если и есть, то не такой, на который рассчитывали составители

документов, несмотря на существенное увеличение числа создаваемых вновь и вовлекаемых в решение поставленных задач организаций. Одной из основных причин сложившегося положения представляется то, что самые важные акты Хиогской и Сендайской конференций, другие документы Международной стратегии ООН по уменьшению опасности стихийных бедствий носят лишь рекомендательный характер и члены мирового сообщества *stricto juri* (лат. «строго по закону») не обязаны выполнять их постановления. Для создания единого обязательного алгоритма поведения государств в экстраординарных ситуациях следует привлекать юридический инструментарий, что порождает ряд сложностей, обусловленных не только развитием и конкретизацией в четкие специальные правила поведения общих международно-правовых норм, но и проблемами, вытекающими из несовпадения государственных интересов, различия национального правового регулирования и материально-технических возможностей государств [11]. Следует также учесть современное состояние политической разобщенности стран и вызываемые этой разобщенностью трудности в проведении слаженных действий даже перед лицом общей беды.

Успешное противостояние опасности возможно только при хорошо проработанной и достаточно финансируемой системе защиты. Создание такой системы на региональном уровне представляет собой закономерную перспективу развития отношений между отдельными государствами или группами государств, которые чаще других являются жертвами «разгулявшейся и вышедшей из-под контроля» стихии. Такая система взаимопомощи в случае стихийных бедствий легче реализуется, поскольку охватывает лишь те государства, которые либо оказались в зоне стихийного бедствия, либо могут оказаться там в обозримом будущем.

Большим шагом в направлении повышения эффективности совместных групповых усилий в противодействии стихийным бедствиям является создание нескольких региональных платформ действий по уменьшению опасности бедствий — программных мероприятий, которые разрабатываются при непосредственном участии ООН. Такие многосторонние региональные платформы были созданы на Американском континенте, в Тихоокеанском регионе, Центральной Азии, Африке и Европе. Эти мероприятия способствовали достижению согласованно-

сти между различными учреждениями внутри государств и за их пределами, а также появлению возможностей для развития государственно-частного партнерства.

После прозвучавших призывов Глобальной платформы действий по уменьшению опасности бедствий к проведению системной оценки состояния уязвимых объектов был проведен опрос мнений на высоком уровне, участники которого призвали к скоординированным действиям по обеспечению безопасности объектов и объявлению глобальной программы безопасности, проводимой на основе рекомендаций третьей Всемирной конференции по уменьшению опасности бедствий. Группа Всемирного банка и Глобальный фонд по уменьшению опасности бедствий и восстановлению, а также региональные коалиции вносят большой вклад в достижение этих целей. Ряд международных организаций участвует в реализации планов, включенных в эти и другие организационные механизмы по защите человеческих жизней в условиях чрезвычайных ситуаций.

Таким образом, для организации эффективной системы противодействия стихийным бедствиям следует создать надежно функционирующую систему международно-правовых отношений, регламентирующую действия заинтересованных государств и международных организаций в условиях чрезвычайных ситуаций, вызванных стихийными бедствиями. Глобальный контроль риска стихийных бедствий и ликвидация их последствий уже имеют свою нормативную основу. Однако существует необходимость формирования полноценного «правового пространства чрезвычайной ситуации» со своими основополагающими принципами и развивающимися эти принципы правилами, критериями и стандартами. Роль, которую станет играть при этом государство в развитии права, регулирующего новую область международных отношений, разумеется, будет важным фактором обеспечения национальных интересов при решении вопросов создания и функционирования системы всеобщей защиты от бедствий.

Необходимо также отладить механизмы финансирования осуществления превентивных мер защиты от стихийных бедствий. В особенности это касается тех стран, которые в силу своего географического положения перманентно оказываются под ударами стихии, но в силу своих ограниченных экономических возможностей не могут в одиночку противостоять агрессив-

ным проявлениям сил природы. При этом следует отметить достаточно высокий в последние годы уровень финансирования Международной стратегии ООН по уменьшению опасности бедствий.

Если подвести итог рассмотрения взаимосвязи стихийных бедствий и преступности, то можно отметить, что единого мнения у научного сообщества на этот счет сегодня не имеется. В основу анализа поставленного вопроса могут быть положены три основные концепции. *Первая*, которой руководствуются представители социологии катастроф, опирается на гипотезу терапевтического сообщества. Ее основным постулатом является то, что подобные собы-

тия (катастрофы) снижают преступную активность как во время, так и после происшествия. *Вторую* разделяют криминологи, применяющие гипотезу социальной дезорганизации, суть которой заключается в том, что стихийные бедствия усиливают вероятность как индивидуального, так и массового криминального поведения. *Третья*, представленная в рамках гипотезы рутинной активности, состоит в предположении, что природные катастрофы могут как увеличивать, так и уменьшать масштабы распространения преступности в зависимости от того, как эти события перестраивают формальные и неформальные механизмы социального контроля.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исакова Е. В ООН назвали число погибших от стихийных бедствий за 20 лет / Е. Исакова // РИА Новости. — 2018. — 10 окт. — URL: <https://ria.ru/20181010/1530343685.html>.
2. Туманян А.Э. Проблемы предупреждения преступности в условиях стихийного бедствия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Э. Туманян. — Москва, 1997. — 207 с.
3. Lentini M. Do Natural Disasters Induce More Crime? / M. Lentini, P. Nikolov, M. Schwartz // *Alpenglow: Binghamton University Undergraduate Journal of Research and Creative Activity*. — 2016. — Vol. 2, iss. 1. — URL: <https://orb.binghamton.edu/alpenglowjournal/vol2/iss1/7>.
4. Prelog A.J. Modeling the Relationship between Natural Disasters and Crime in the United States / A.J. Prelog. — DOI: 10.1061/(ASCE)NH.1527-6996.0000190 // *Natural Hazards Review*. — 2016. — Vol. 17, iss. 1. — URL: <https://ascelibrary.org/doi/10.1061/%28ASCE%29NH.1527-6996.0000190>.
5. Kuchikomi. Potpourri of post-quake crimes contradicts foreign media's reporting of placid Japanese / Kuchikomi // *Japan Today*. — 2011. — Nov. 15. — URL: <https://japantoday.com/category/features/kuchikomi/potpourri-of-post-quake-crimes-contradicts-foreign-medias-reporting-of-placid-japanese>.
6. Гашков И. Нет еды на завтра. В 2019 году по планете шагает голод / И. Гашков // ИТАР-ТАСС. — 2019. — 25 июля. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6701120>.
7. Ryang S. The Great Kanto Earthquake and the Massacre of Koreans in 1923: Notes on Japan's Modern National Sovereignty / S. Ryang // *Anthropological Quarterly*. — 2003. — Vol. 76, № 4. — P. 731–748.
8. Picardo C.W. Physically and sexually violent experiences of reproductive-aged women displaced by Hurricane Katrina / C.W. Picardo, S. Burton, J. Naponick // *La State Med Soc*. — 2010. — Vol. 162, iss. 5. — P. 282–290.
9. Experience of Hurricane Katrina and reported intimate partner violence / E.W. Harville, C.A. Taylor, H. Tesfai [et al.] // *Interpers Violence*. — 2011. — Vol. 26, iss. 4. — P. 833–845.
10. Саакян А.А. Предупреждение преступлений, совершаемых в экстремальных ситуациях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Саакян. — Владимир, 2011. — 35 с.
11. Уильям А. ООН и Международная морская организация / А. Уильям // *Московский журнал международного права*. — 1996. — № 2. — С. 96.

REFERENCES

1. Isakova E. The UNO stated the number of victims of natural disasters over the last 20 years. *RIA Novosti*, 2018, October 10. Available at: <https://ria.ru/20181010/1530343685.html>. (In Russian).
2. Tumanyan A.E. *Problemy preduprezhdeniya prestupnosti v usloviyakh stikhiinogo bedstviya*. Kand. Diss. [Problems of crime prevention during natural disasters. Cand. Diss.]. Moscow, 1997. 207 p.
3. Lentini M., Nikolov P., Schwartz M. Do Natural Disasters Induce More Crime? *Alpenglow: Binghamton University Undergraduate Journal of Research and Creative Activity*, 2016, vol. 2, iss. 1. Available at: <https://orb.binghamton.edu/alpenglowjournal/vol2/iss1/7>.
4. Prelog A.J. Modeling the Relationship between Natural Disasters and Crime in the United States. *Natural Hazards Review*, 2016, vol. 17, iss. 1. DOI: 10.1061/(ASCE)NH.1527-6996.0000190. Available at: <https://ascelibrary.org/doi/10.1061/%28ASCE%29NH.1527-6996.0000190>.
5. Kuchikomi. Potpourri of Post-quake Crimes Contradicts Foreign Media's Reporting of Placid Japanese. *Japan Today*, 2011, November 15. Available at: <https://japantoday.com/category/features/kuchikomi/potpourri-of-post-quake-crimes-contradicts-foreign-medias-reporting-of-placid-japanese>.
6. Gashkov I. No food for tomorrow. World hunger is rising in 2019. *ITAR-TASS*, 2019, July 25. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6701120>. (In Russian).
7. Ryang S. The Great Kanto Earthquake and the Massacre of Koreans in 1923: Notes on Japan's Modern National Sovereignty. *Anthropological Quarterly*, 2003, vol. 76, no. 4, pp. 731–748.

8. Picardo C.W., Burton S., Naponick J. Physically and Sexually Violent Experiences of Reproductive-Aged Women Displaced by Hurricane Katrina. *La State Med Soc*, 2010, vol. 162, iss. 5, pp. 282–290.

9. Harville E.W., Taylor C.A., Tesfai H., Xu Xiong, Buekens P. Experience of Hurricane Katrina and Reported Intimate Partner Violence. *Interpers Violence*, 2011, vol. 26, iss. 4, pp. 833–845.

10. Saakyan A.A. *Preduprezhdenie prestuplenii, sovershaemykh v ekstremal'nykh situatsiyakh. Avtoref. Kand. Diss.* [Prevention of crimes committed in extreme situations. Cand. Diss. Thesis]. Vladimir, 2011. 35 p.

11. Uilyam A. The UNO and the International Maritime Organization. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 1996, no. 2, pp. 96. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жмуров Дмитрий Витальевич — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государства и права Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: zdevraz@ya.ru.

Тихомиров Сергей Николаевич — старший научный сотрудник отдела глобальных экономических проблем и внешней политики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, член Научного совета Российской академии наук по прикладной геофизике, профессор Академии военных наук, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: publication12@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Жмуров Д.В. Геофизические факторы как детерминанты преступности / Д.В. Жмуров, С.Н. Тихомиров. — DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).27-35 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 1. — С. 27–35.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhmurov, Dmitriy V. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Institute of State and Law, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: zdevraz@ya.ru.

Tikhomirov, Sergey N. — Senior Researcher, Department of Global Economic Problems and Foreign Policy, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Member of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Applied Geophysics, Professor, Academy of Military Sciences, Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: publication12@yandex.ru.

FOR CITATION

Zhmurov D.V., Tikhomirov S.N. Geophysical factors as crime determinants. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 27–35. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).27-35. (In Russian).